

4 Булгаков Е.А.
5 Адам и Ева

84

6 Москва, Театр им. Маяковского

7 Художник - Басовский А.

м-р "Лаборатория"

"Адам и Ева"

4 стр. МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Впечатление

«Осень и зиму 1912—1913 года Булгаков и Татьяна Лаппа почти не расставались. «Что делали Ходили в театр, «Фауст» слушали, наверняка, раз де-сять...»

В Киеве мы с ним слушали «Кермен», «Гугенотов», «Сезильского цирюльничка» с итальянцами. Ходили в кулешеский сад на каждый симфонический концерт. Михаил очень любил увертюру к «Руслану и Людмиле», любил «Аиду», напевал «Милая Аида... Рая созданы». Больше же всего любил «Фауста» и чаще всего пел «На земле весь род людской» и арнозо Валентина — «Я за сестру тебя молю...» (Из воспоминаний Татьяны Лаппа, приведенных в «Жизнеописании» Михаила Булгакова М. Чудаковой, «Москва» № 6, 1987 год).

Я не случайно начала с воспоминаний Татьяны Лаппа, свидетельствующих о большом интересе М. Булгакова к опере «Фауст». Начала так вот почему. Я думаю, что самым важным критерием любой театральной постановки является то, насколько спектакль актуализировал события, помог глубже понять произведение, уловить что-то новое, что не почувствовал при прочтении.

Во время спектакля Московского драматического театра «Лаборатория»

«И ЗАЧЕМ БУСЛОВУ ФАУСТ?»

«Адам и Ева» я увидела в главном герое Ефросимове (А. Россинский) Фауста. Это для меня было новым. Не знаю, ставил ли режиссер перед собой такую задачу, но мне показалось, что Ефросимов должен быть именно таким: ищущим истину и находящим ее в радости за человечество.

Благодаря спектаклю, я уловила ниточку, связующую основные проблемы произведения: проблему творческого гения и проблеме угрозы уничтожения человечества. Гений человека должен спасти людей, — но это же та философская идея, и которой приходит Фауст!

Пьеса Булгакова должна вызывать страх, потому что служит предупреждением тем, кто только в оружии видит путь разрешения всех конфликтов. Спектакль страшный.

Эта пьеса должна вызывать смех, потому что Булгаков — сатирик. Спектакль заставляет смеяться.

Эта пьеса должна побуждать к добру, вызывать любовь к человеку, потому что Булгаков — великий гуманист. Спектакль добрый.

Все герои пьесы любят жизнь, но каждый по-своему. И это передано в спектакле.

Булгаков — мистический писатель. И постановка решена режиссером, как первый вариант пьесы: все произошедшее — нереальные события (сон). Но все же спектакль звучит как предупреждение перед уничтожением человека и как утверждение общечеловеческих ценностей над всем иным, потому что Булгаков — философ.

Философ он еще и в том, что помещает представителей различных слоев общества в чрезвычайную ситуацию (несколько человек, не погибших от взрыва химической бомбы, создают в лесу колонию), чтобы пронаблюдать, как каждый из них проявляется. Философ еще и в большей степени он потому, что изображает одну-единственную женщину — Еву — как воплощение Женщины-прародительницы. Те герои, которые созданы актерами театра заставляют верить в свой тип.

Верю Еву (Т. Гусенкова), что она «любит жизнь». Очень, что она «ненавидит войну». Верить Еве — верить в любовь.

Верю Ефросимову, «что его не радует, что Дареган кого-то расстрелял». Верить Ефросимову — верить в гений человека. Верю Маркизову (А. Звонцову) и в его роман, который он начал писать. О Маркизове хочу сказать особо. Он симпатичен. Не знаю, чья это заслуга — автора или режиссера, — но в пьесе как-то особо этот образ я не выделила. А в спектакле я вдруг увидела, как этот «изгнанный из профсоюза» постепенно меняется: в нем просыпается потребность познания. Если к другим мужским образам, кроме Ефросимова, по ходу спектакля усиливается отношение неприятия, то Маркизов, наоборот, нейтрализует это отношение к себе. Мне кажется, актер очень верно избрал путь воплощения этого образа — вызывать симпатию через добродушный смех. Вера в Маркизова — особая вера, потому что таких, как Маркизов, большинство. Это воплощение обыкновенного человека с его пороками и его талантом. Поэтому верить в Маркизова — верить в возможности человека.

Дареган, Адам, Пончик-Непобеда — сатирические образы: здесь сатира на псевдопатристическое лагуновское «передвижничество» («А ты что ж, профессор, молчишь? А? Тебе не ясно, что СССР не может не победить!» —

Дареган), не зарождающийся административный метод управления («Я — главный человек в колонии и потребую повиновения»). В моем лице партия требует — Адам), на писателя-приспособленца («Погиб он, слава тебе, господи, твой коммунизм — Пончик-Непобеда»).

Понравилось выделение в спектакле Дареганом (Ю. Юровский) слова «истребитель»: «истребитель» от слова «истреблять».

Пончик-Непобеда (Э. Сушков) отаратителен и жалок в своей трусости — прекрасной!

Думаю, что у зрителя не сложилось сложилось образ Адама (Е. Вагин). Как-то он отошел на второй план.

Не могу отметить что-либо яркого в сценографии (сценограф — И. Балашевич). Но, наверное, в этой скупости прелесть прочтения пьесы. По крайней мере, диссонанс между сценой и тем, что на ней происходит, нет.

К сожалению, невозможно сравнить спектакль театра «Лаборатория» со сценическим воплощением этой же пьесы Московским театром «Ангелимент» (режиссер Е. Лискогон), который вторым взялся за постановку «Адама и Евы».

Однако уже то, что наши гости первыми поставили сложнейшую пьесу, заслуживает уважения, тем более, что сделано это на уровне профессионалов. Е. РАДОМИРОВА.